

Шнайдер Владимир Геннадьевич

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩИНЫ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

Одним из возможных названий этой статьи нами рассматривался такой вариант как «Апология антикварной истории». Однако он был отклонен как явный парафраз, а также как избыточно претенциозный. Хотя суть отражал бы верно.

Уже ясно, что отправной точкой наших рассуждений стала известная классификация видов исторического знания, приведенная Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» [1]. Предметом же данной статьи стали подходы и методы исследования этнокультурной городской общины российских немцев, в целом сформировавшейся в г. Армавире в конце XIX в., и существующей в весьма измененном виде до настоящего времени.

В 2012 г. увидела свет монография «Немцы Армавира» [2]. Об исследовательских приемах, реализованных в данной работе, мы и хотели бы поговорить более подробно.

Согласно классификации методов исторического исследования И.Д. Ковальченко, в качестве основной формы наиболее глубокого понимания истории предстают исторический и логический метод. В силу ряда причин И.Д. Ковальченко отдает предпочтение логическому [3, с. 146-147] и в этом, применительно к кругу поставленных в нашей монографии задач, мы склонны с ним согласиться. Рассматриваемая в этой же работе в качестве общенаучного метода последовательность восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному [3, с. 149], едва ли достаточно продуктивна на примере антикварной истории. Суть этого утверждения достаточно хорошо раскрыта задолго до нас в уже упомянутой работе Ф. Ницше, в которой он, в сущности, предостерегает от доминирования одного из трех видов истории, в т.ч. и антикварной.

Нельзя не согласиться с великим философом, однако заметим, что за почти полтора столетия с момента написания его работы, в развитии культуры произошло несколько чрезвычайно важных событий. Остановимся на наиболее крупных из них. Во-первых, произошел переход к т.н. информационному обществу; во-вторых, культура вступила в эпоху постмодернизма; в-третьих, наступил такой период в истории человечества, который Ф. Фукуяма охарактеризовал как конец истории, хоть и с вопросительным знаком [4]; в-четвертых, в условиях информационного общества произошла атомизация знаний, в том числе и исторических; в-пятых, монументальная история уже не первое десятилетие пребывает в состоянии кризиса, что вызвало к жизни целую серию новых направлений исторических исследований, в числе которых «новая локальная история» и микроистория [5, с. 239-242].

Позволим себе заметить, что монументальная история или история как метарассказ не столько пребывает в кризисе, сколько заслуженно почивает на лаврах, выполнив свою общечеловеческую миссию, играя при этом непреходящую и незаменимую роль в историческом образовании. Фокус интересов ученых, таким образом, сместился в более частные проявления социокультурной истории. В Европе это произошло в 1960-1970-е, а в России в 1990-е гг.

Оправданность этого смещения определяется не только сугубо теоретическими причинами, но также и интересами обывателей, как важным побудительным мотиве любого творчества эпохи постмодернизма. Его важным признаком является так называемое двойное кодирование произведения, позволяющее, с одной стороны, заинтересовать высокоинтеллектуальную часть читателей, обладающих взыскательным вкусом, а с другой стороны, сделать произведение коммерчески успешным, то есть суметь уместить его в формат массовой культуры.

Постмодернизм в истории с его недоверием к метанарративу, с отрицанием самой идеи целостности и единства, как нельзя точно отвечает запросам широких кругов общества, с позволения сказать, утоляющего свой

интеллектуальный голод посредством атомизированных источников знания. Не являясь сторонниками этого направления исторических исследований, тем не менее, отметим, что методология и идеология постмодернизма повлияла на изрядную долю массива исторических подходов постнеклассической истории. Впрочем, не станем отрицать и той возможности, что все эти особенности имеют общий с постмодернизмом источник происхождения.

Антикварные исследования призваны вызвать у читателя эффект присутствия. В этом смысле предложенный Ф. Ницше термин очень удачен. Антиквариат – зримое порождение эпохи, замершее время, возможность чувственно прикоснуться к прошлому и ощутить через вещь связь времен. Всё это требует не только финансовых возможностей, но и достаточно высокого уровня интеллектуального, нравственного и эстетического развития, помноженного, как правило, на глубокие исторические познания. В этом случае побудительным мотивом коллекционера едва ли является желание познать закономерности мирового исторического процесса, некую всеобщую взаимосвязь причинно-следственных факторов и т.п., чему отдаёт всю себя монументальная история.

На основе подобных интеллектуальных и эмоциональных потребностей выросло краеведение. Однако это направление познавательной деятельности, во-первых, чаще всего любительское, во-вторых, не сугубо историческое. Дилетантские изыскания могут явить весьма любопытные открытия и связанные с ними суждения, но их результат, лишённый методологической целостности, как правило, легко оспорим с научной точки зрения. А если его нельзя оспорить, то это означает, что написан он на основе научной методологии, что выводит это исследование за пределы краеведения. Поиск научных подходов, способных сделать научно ценным результат исторического исследования регионального характера привел нас к набору методологического инструментария «новой локальной истории» и микроистории.

Первоначально интерес к «новой локальной истории» возник благодаря статье «"Новая локальная истории" и микроистория» в работе Л.П. Репиной,

В.В. Зверевой и М.Ю. Парамонова «История исторического знания». Фактически, каркас применённых в монографии «Немцы Армавира» подходов составили конспективно изложенные в этой статье принципы и методы исследования. Например, изучение локальной общности как развивающегося социального организма; создание коллективной биографии этой общности, которая рассматривается в «новой локальной истории» как главный метод «истории снизу». Реализация этого метода предполагает комбинирование демографического и локального анализа [5, с. 239]. В поле исследовательского интереса западных историков-локалистов попадали такие факторы как структура семьи и домохозяйства, система родственных и соседских связей, социальная и географическая мобильность, социальные функции полов, локальные политические структуры и социально-политические представления [5, с. 239]. Буквально все эти аспекты стали структурообразующими компонентами и нашли отражение в монографии «Немцы Армавира».

Дальнейшее углубление понимания принципов и методов «новой локальной истории» произошло благодаря знакомству с деятельностью одноименного научно-образовательного центра Ставропольского государственного университета, созданного в 2002 г. [6]. На сегодняшний день среди учредителей центра значатся: кафедра истории Московского государственного областного гуманитарного института; кафедра истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; кафедра теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; Российское общество интеллектуальной истории.

Основные подходы и принципы этой научной школы изложены в работах основателей центра: Т.А. Булыгиной, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой [8, 9, 10, 13, 14] и некоторых других исследователей.

Итак, предметом нашего научного интереса стала этнокультурная община российских немцев, сформировавшаяся в Армавире (Кубанской области) в последней трети XIX в., практически полностью изгнанная в 1941 г., и в

послевоенные годы возродившаяся в сильно измененном наборе нескольких сотен немецких семей. При этом характеристику должны дополнить такие обстоятельства, как 1) существование общины в городских условиях и 2) существование общины в преобладающем инокультурном и иноконфессиональном окружении.

Что важного в этих характеристиках?

Позволим себе отметить, что изучение диаспор (а речь, в сущности, идёт о них), существующих в городских условиях до сих пор является темой малоизученной. Причин этому довольно много. Отсутствие институализированных форм, административно-территориальная неопределённость, размытость источникового материала, кажущаяся малозначимость предмета изучения – вот основные препятствия, затрудняющая работу историков и пугающие их. А между тем, история городских диаспор представляется темой очень актуальной, ибо сегодня обстоятельства их существования иногда становятся причиной обострения того, что принято называть межнациональной напряжённостью. Чаще всего, жизнь диаспор протекает вполне мирно и для окружающего иноэтничного большинства почти незаметно (вот, кстати, ещё одна проблема для исследования), но если что-то случается, то наибольший всплеск этнической неприязни это вызывает именно в городах. Ключевым словом в предшествующем предложении является «что-то», и порождает закономерный вопрос: что именно? Нам не хотелось бы останавливаться на конкретных примерах. Заметим только то, что нередко это могут быть вполне обыденные проявления чуждого большинству основного населения города менталитета членов диаспоры, которые вообще не вызвали бы никакой реакции, если бы произошли там, где они представляют этническое большинство, то есть в том месте, откуда «они понаехали». Этот момент, на наш взгляд, весьма заостряет и делает остроактуальной проблему изучения истории городских этнокультурных общин (диаспор).

Нередко так бывает, что сосуществование различных этнокультурных общностей в рамках одного города происходит как бы параллельно. Изучение

истории армавирской немецкой городской общины привело нас к нескольким выводам. Мир местных этнических общин был замкнут и консервативен, многие жители Армавира начала XX в. родились далеко от Кубани, или в лучшем случае были армавирцами во втором поколении. Они в значительной мере несли свой образ мира, видя в бурно развивающемся Армавире, прежде всего, возможность разбогатеть. В этнокультурной обособленности сформировавшихся в Армавире к началу XX в. общин мы склонны видеть обратную сторону относительно бесконфликтного сосуществования здесь представителей разных народов. Они как бы сосуществовали в общем настоящем, соприкасаясь только по вопросам жизненной необходимости. Немаловажным было то, что в дореволюционный период и даже в первые десятилетия советской власти в Армавире прослеживалась отчётливая этнопрофессиональная специализация [7, с. 179-207], что мы также склонны рассматривать в качестве фактора стабильности межэтнических отношений. С другой стороны, это обстоятельство ещё больше закрывало внутренний мир общин.

Перечисленные выше обстоятельства укрепили нашу уверенность в том, что избранный нами предмет изучения требует именно тех подходов и методов исследования, которые мы описали выше.

Основу источниковой базы исследования составили, главным образом, материалы местных архивов. Это является одной из трудностей, которую немало историков просто не пожелало преодолеть. Сложность допуска в ведомственные архивы, разрозненность информации и т.п. невероятно затрудняют подготовительную работу. Среди наиболее существенных источников, на основании которых мы строили свои рассуждения, назовем следующие: метрические книги лютеранского молитвенного дома Армавира (1889-1924 гг.); поквартальные книги из дореволюционного фонда Государственного унитарного предприятия Краснодарского края «Краевая техническая инвентаризация» по г. Армавиру; книги записей актов гражданского состояния Краснодарского краевого отделения ЗАГС в г.

Армави́ре (1922-1941 гг.). Общее количество обработанных источников (книг) составило несколько сотен.

Описание приемов работы с каждой из этих групп источников составило бы достаточный материал для отдельных статей. Поэтому для тех исследователей, кто собирается встать на путь изучения локальных групп (этнических, конфессиональных и т.п.), мы коснемся лишь некоторых аспектов работы с упомянутой выше группой «глубоко провинциальных» источников.

Например, метрические книги молитвенного дома таят в себе массу информации. По данным об умершем человеке, вступающем в брак или принимающем крещение можно судить о миграционных потоках членов интересующей этнической (конфессиональной) группы. Это позволяет сделать запись о месте приписки поселенца. Данная информация относится к числу очевидных. Труднее проследить хронологию миграционных потоков. Для этого нами был применен исследовательский прием, основанный на таком факторе как высокая детская смертность.

В случае смерти в метрические книги лютеранского молитвенного дома Армави́ра вносились сведения о селении, поселенцем которого считался умерший. Практически всегда указывалась губерния, сравнительно часто уезд, а вот волость упоминали довольно редко. Если умирал несовершеннолетний, все эти сведения записывались по его родителям. При этом всегда в отдельной графе указывалось реальное место рождения поселенца.

В случае, когда умирал ребёнок до 5-ти лет, местом рождения которого был не Армави́р, и не близлежащие колонии, то вполне естественно предположить, что его семья прибыла в этот район менее чем пять лет назад.

Всего нами были проанализированы сведения метрических книг записей о смерти с 1892 по 1919 гг. Подсчёты были проведены по годам, из числа умерших детей выделялись те, кто родился за пределами Армави́ра и округа, а полученные данные сведены в общую таблицу.

Предположение о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода такие дети были, подтвердилось. Всего за двадцать восемь лет умерло

детей недавних переселенцев в возрасте до 5 лет более 7,7% от общего показателя в этой возрастной категории.

Таким образом, мы пришли к выводу, что переселение немцев в Армавир и близлежащие колонии прослеживалось на протяжении 1890-х, 1900-х и большей части 1910-х гг. Наибольшее число мигрантов были выходцами из Самарской губернии.

Из полученных данных стало ясно, что миграция из Поволжья к концу 1900-х гг. заметно снижается, а процент мигрантов из других регионов существенно возрастает [2, с. 87-88].

Другим важным аспектом нашего исследования стал вопрос о длительности проживания немцев в Армавире, то есть, в сущности, вопрос об устойчивости состава общины. Здесь нам на помощь пришли акты книги местного ЗАГСа. Это вообще довольно любопытный вид источников, особенно применительно к 1920-1930-м гг. – периоду активного советского государственного и национального строительства.

В течение 1920-х и 1930-х гг. формы бланков актовых записей неоднократно изменялись. С 1935 г. была введена графа, в которой фиксировалась длительность проживания в Армавире родителей к моменту рождения ребёнка.

Из извлечённых нами сведений следует, что миграция немцев в Армавир продолжалась постоянно в течение всего межвоенного периода, однако в Армавире существовала устойчивая группа немецкого населения, составлявшая свыше 55%, которая проживала в городе всю свою жизнь или значительную её часть. Очевидно, что те немцы, которые указывали сроком своего проживания в Армавире период в 30 лет и более, были ещё детьми, когда вместе с родителями прибыли в Армавир, ставший для них, фактически, родным городом. Если прибавить к этой группе тех, кто сроком своего проживания в городе указали период от 20 до 30 лет, то число немцев, проживавших в Армавире с досоветского периода превысит 60%.

Белые пятна в истории таких «малозначительных» явлений как небольшие городские диаспоры заставляют прибегнуть к такому приёму как экстраполяция. Его мы использовали, когда пытались выяснить динамику изменения численности немцев в Армавире после 1926 г. – последнего года, когда их численность была точно известна. Главный вопрос, на который мы пытались ответить: сколько же было немцев в городе на момент их депортации в 1941 г.?

Начнём с того, что нам были известны не только более или менее точные сведения о численности немцев в Армавире за целый ряд лет (1897, 1904, 1908, 1910, 1911, 1915, 1926), но также и данные о рождаемости, смертности и числе заключаемых немцами браков в эти же годы. Число смертей, рождений и браков среди немцев Армавира известно нам и в период после 1926 г. Для выяснения динамики численности немцев Армавира в течение пятнадцати лет (1926-1941 гг.), нами была выдвинута рабочая гипотеза. Суть её заключалась в том, что существует известная связь между числом рождений, смертей и браков внутри определённого сообщества и общей численностью этого сообщества. Мы прекрасно осознавали все недостатки этой гипотезы, а, следовательно, и недостатки методов и конкретных исследовательских приёмов, которые можно было бы построить на её основе. К числу факторов, влияющих на погрешность подсчётов, относится миграция, высокая младенческая смертность, а также этническое размывание общины.

В результате проделанных вычислений, мы пришли к выводу, что в годы, не сопровождавшиеся какими-либо внутренними или внешними потрясениями, с наибольшей вероятностью число родившихся детей у армавирских немцев составляла примерно 5,43% от их общей численности.

Среднее арифметическое соотношений умерших немцев и общей численности общины, исключая годы, сопровождавшиеся эпидемическими вспышками и острыми гражданскими конфликтами, составило 3,44%. То есть, именно такая (гипотетически допустимая) доля умерших немцев к их общему

числу в Армавире в межвоенный период будет в наибольшей мере близка реальной величине этого соотношения.

Долю вступивших в брак в общей массе армавирцев-немцев мы выводить не стали, главным образом, из-за того, что здесь разброс показателей оказался слишком велик, что объясняется, пожалуй, наибольшей степенью субъективности этого фактора.

Итак, если мы примем за основу коэффициент рождаемости, то в 1940 г. немцев в Армавире должно было быть 1 565 чел. Именно эта цифра составит 100% в отношении, где 85 чел. составляют 5,43%.

Обратимся к показателю смертности. Следуя тому же алгоритму действий, что и абзацем выше, мы предположительно приходим к выводу, что численность немцев в Армавире в 1940 г. должна была составлять 1 453 чел.

Таким образом, следуя описанному приему, мы выяснили, что в 1930-е гг., наблюдается общее снижение численности немецкой общины Армавира в сравнении с 1926 г. Вероятнее всего, количество немцев в Армавире накануне Великой Отечественной войны колебалось в пределах от 1 453 до 1 565 чел.

Другим важным аспектом исследования в духе «новой локальной истории» явилось изучение системы родственных и соседских связей. Здесь нам также оказали известную помощь метрические книги молитвенного дома и актовые книги ЗАГСа. Вообще этим вопросам мы посвятили отдельную главу, которая называется: «О некоторых символах и факторах этнокультурного единства немцев Армавира» [2, с. 148-220]. В этой части работы мы рассматривали такие аспекты как семья и брак; уровень образования и проблема грамотности на родном языке, степень конфессионального единства, социальные связи внутри группы. Последнее обстоятельство рассматривалось нами на основании рабочей гипотезы, что выходцы из одних и тех же колоний поддерживали тесные связи на новом месте жительства, а также, что немцы-реформаты представляли собой корпоративную группу среди численно преобладавших немцев-лютеран. Приняв за основу эту гипотезу, мы начали анализировать состав социального окружения выходцев из одних и тех же

колоний, а также реформатов [2, с. 181-189]. Данные об этом содержались в перечне восприемников при крещении ребёнка, а также в поквартальных книгах КТИ, где можно было увидеть соседей интересующих нас лиц. Итогом наших изысканий стал вывод о том, что рабочая гипотеза не подтвердилась: земляки по Поволжью или Бессарабии, Таврической губернии и т.п. в социальном окружении выходцев из этих регионов встречались, но не преобладали. Такая же картина наблюдалась и в отношении реформатов, активно контактировавших с лютеранами в Армавире. В связи с этим, нами был сделан вывод, что на новом месте жительства для российских немцев факторы общности происхождения, языка и культуры играли более важную консолидирующую роль, чем конфессиональные оттенки и факт землячества на прежнем месте жительства.

Говоря о таком признаке социальной группы, как набор социальных норм и ценностей, репродуцируемых групповым контекстом, в нашем случае мы касаемся факторов и символов этнокультурного единства, относительно небольшой группы российских немцев в условиях провинциального города.

Способ определения социальных связей, по-существу, выявляющих социальный субстрат, в котором пребывали немцы в Армавире, был рассмотрен выше. Кроме этого, в монографии нами были затронуты такие факторы этнокультурной сплоченности, как семья и брак, религия и церковь, грамотность и язык, фактор компактности проживания.

Как определить, насколько важным фактором этнокультурного самосохранения для членов небольшой группы, пребывающей в численно преобладающем иноэтничном окружении, является брак? Иначе говоря, как определить, насколько велика была доля межэтнических браков, как фактора размывания целостности этнокультурной общины?

Некоторое представление о семейно-брачных отношениях немцев Армавира в конце XIX – начале XX вв. дают метрические книги лютеранского молитвенного дома.

При анализе признаков пар, вступавших в брак, например, таких как возраст, различия вероисповедания, подданства, фактор повторного брака и некоторого другого, нами использовался статистический метод. Результатом этой работы стала сводная таблица по данным с 1899 по 1918 гг. Всего были проанализированы данные по 1 038 парам, что представляется вполне репрезентативным количеством.

В период с 1899 по 1918 гг. протестантской (лютеранской) церковью Армавира зафиксировано девять браков с участием иностранцев. В большинстве это были подданные Пруссии – 7 браков. При этом в одном из случаев и жених, и невеста были из этого государства. Кроме того, был повенчан в Армавири один подданный Дании, а также вышла здесь замуж одна австрийская подданная [15, д.108, л. 47, 58, 90; д. 113, л.18].

На основе церковных метрических книг нами был составлен генеалогический справочник [2, с. 373-520], в нем оказались упомянуты представители 545 фамилий, включающих 1 227 супружеских пар. Это были те немецкие семьи, которые заключили брак в армавириском лютеранском молитвенном доме, а также те семьи, которые окрестили в нём своих детей. Последние учитывались нами лишь единожды, то есть вне зависимости от числа их обращений к услугам пастора, кистера или учителя. Часть этих семей сложилась уже в Армавири, но многие возникли ещё на прежнем месте жительства, например, в Поволжье. Материалы нашего генеалогического справочника не дают исчерпывающей информации о брачных отношениях всех немцев Армавири, так как известно, что среди них были и католики, и даже немного менонитов и православных. Кроме того, в справочнике оказались не учтены те немцы или немки, которые венчались в других храмах (нелютеранских). Однако известно, что немцы в нашем городе почти сплошь были лютеранами, а также логично было бы предположить, что часть не лютеран и не немцев могла также венчаться в лютеранском молитвенном доме. Вероятнее всего, в источниковой базе, на основе которой был составлен генеалогический справочник, могли оказаться те брачные пары, где супругом

был немец, а супругой женщина другой национальности. Мы включили эти пары в справочник потому что, во-первых, при таком варианте семья принимала немецкую фамилию (за исключением единичных случаев), во-вторых, опять же за редким исключением, ребёнок считался немцем. Абсолютных показателей такой способ нам не даёт, но в сравнительных величинах, на наш взгляд, позволяет проследить изменение соотношения количества смешанных и моноэтнических браков.

Итак, обратимся к генеалогическому справочнику и подсчитаем, сколько смешанных браков было зафиксировано в период с 1890 до 1920 гг. Сделать это довольно просто, если принять во внимание то, что в колонке «социальное окружение» жирным шрифтом выделены девичьи фамилии жён тех мужчин, чья фамилия вписана в первую колонку. По-сути, наша работа сводилась к тому, чтобы выявить общее количество брачных пар, и выделить в их числе процент женщин с ненемецкими девичьими фамилиями. Метод не безукоризненный, но другой возможности определить долю смешанных этнических браков в дореволюционный период у нас не было.

После проведённых подсчётов нам удалось выяснить, что из 1 227 супружеских пар, отмеченных хотя бы единожды в церковных книгах молитвенного дома лютеран Армавира, 18 пар с большой долей вероятности могли быть смешанными, что составляет 1,47%. Этот показатель относится к бракам, где к немцам принадлежали мужчины. Из опыта известно, что женщины вступали в смешанные браки реже мужчин, и не только у немцев. Поэтому, даже если мы удвоим известный нам процент межэтнических браков у немцев Армавира в дореволюционный период, то не получим более 3%.

Таким образом, мы не имели точных данных о доле смешанных браков у немцев Армавира в дореволюционный период, но, зная точное их число у мужчин и учитывая, что женщины вступали в смешанные браки реже мужчин, мы вывели наиболее вероятную величину. На основании этих данных мы сделали вывод, что немецкая этнокультурная группа в Армавира в

дореволюционный период подвергалась этническому размыванию в очень незначительной степени.

Далее мы рассматривали в работе такой фактор этнокультурной консолидации как церковь.

Сложность исследования духовного мира представителей относительно небольших городских этнокультурных общностей заключается в том, что зачастую их представители не оставляют письменных источников. В такой ситуации велико искушение пуститься в предположения, домыслы и рассуждения, основанные на стереотипах и отрывочных сведениях. Как этого избежать? Попробуем показать на примере.

Согласно сведениям, собранным Кубанским областным правлением, в 1896 г. уже существовало армавирское Евангелическо-лютеранское приходское общество, которое имело школу [16, д. 133, л. 7]. Обычно у немцев, ещё по колониетской традиции, школа сочеталась с молитвенным домом. При этом нам известно, что здание молитвенного дома было построено к 1898 г. [17, С. 53.].

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 20 немцев в Армавире исповедовали православие; трое были причислены к «старобрядцам и уклоняющимся от православия»; одна женщина принадлежала к армяно-григорианской церкви; 25 чел. были католиками; 1 214 чел. – протестанты. Кроме того, шестеро человек, назвавших немецкий язык родным, исповедовали иудаизм [18, с. 78-79]. Таким образом, свыше 96% армавирских немцев были протестантами. Среди них были представители трёх конфессиональных групп. В 1897 г. в Армавире проживало 1 189 лютеран (606 мужчин и 583 женщины); 30 реформатов (18 мужчин и 12 женщин) и 18 менонитов (9 мужчин и 9 женщин) [18, с. 58-59].

Таким образом, мы показали, что подавляющее большинство армавирских немцев в конце XIX в. были лютеранами или близкими им в конфессиональном отношении реформатами. Это можно рассматривать как важный консолидирующий фактор.

Раздел 5.4. монографии «Немцы Армавира» так и называется «О грамотности, языке и национальном самосознании». Сложности исследования этой проблемы были теми же, что и в отношении изучения религиозной жизни немецкой этнокультурной группы города.

Нам точно неизвестно, на каком диалекте или диалектах немецкого языка говорили немцы Армавира. Вероятнее всего, их было несколько, так как немецкую этнокультурную группу, несмотря на подавляющее преимущество поволжских немцев, составляли выходцы из разных регионов России. Нам трудно судить об особенностях немецкого устного и письменного языков, которыми пользовались немецкие жители Армавира. Однако мы можем судить об их отношении к языку, как к фактору культуры, в том числе и религиозной. И в данном случае, связующую роль для этих явлений играла школа.

Наиболее важной функцией колонистских школ была подготовка детей к конфирмации. Таким образом, начальное школьное образование у немецко-колонистов было неразрывно связано с церковной и религиозной деятельностью. Поэтому, почти всегда молитвенные дома были ещё и школами. Такая же ситуация складывается и в Армавире, где в 1898 г. было закончено сооружение лютеранского молитвенного дома. Армавирское евангелическо-лютеранское (немецкое) училище было открыто в 1889 г. [19, д. 15, л.14] Данная школа являлась смешанной, так как здесь обучались как мальчики, так и девочки. Немецкое училище было сравнительно небольшим. По данным за 1901 г. здесь насчитывалось 86 учеников [20, д. 5798, л. 3]. Несмотря на бурный рост немецкой общины в Армавире в начале XX в., контингент учеников лютеранской школы на протяжении многих лет количественно практически не менялся.

В 1897 г., когда была проведена первая всероссийская перепись населения Российской империи, подавляющее большинство немцев, проживавших в Армавире, родились и получили образование именно в Поволжье. Анализ грамотности среди них дал картину, которая существенно отличалась от той, которую выявила перепись среди других наиболее крупных

этнокультурных групп населения Армавира конца XIX в. Наряду с немцами, нами были проанализированы данные по русским и армянам по возрастным группам.

Общая грамотность в Армавире была наиболее низка у русских. У армавирских армян она была выше, чем у русских во всех возрастных категориях. В этих двух случаях картина роста просвещения населения выглядела логично и вполне объяснимо, согласуясь с общей идеей прогресса, и связанного с ней постепенного повышения образованности населения. Молодые были более образованы, чем люди старшего поколения, причём у армян это выглядело особенно наглядно. Число грамотных юношей-армян достигало в Армавире в 1897 г. 90%. Совершенно не вписываются в эту картину показатели грамотности по основным возрастным группам у немцев. Грамотных мужчин немцев старше 45 лет в среднем было больше, чем у русских и армян. С увеличением возраста этот разрыв увеличивался от 5 до 30%. При этом те немцы, кто был моложе 30 лет, были менее образованы, чем русские и тем более армяне. В этом случае наблюдалась совершенно противоположная тенденция – чем младше возрастная группа, тем меньше в ней грамотных людей. Очевиден вывод: немцы старших возрастных категорий обучались грамоте в колониях (в большинстве своём поволжских), где система образования в церковных школах имела сравнительно долгие и прочные традиции. В сравнении с чем? В данном случае с местами проживания русских до их переезда в Армавир. Надо сказать, что большинство иногороднего русского населения Армавира в 1897 г. были выходцами из губерний Центральной и Южной России, где к тому времени ещё совсем недавно существовало крепостное право. Очевидно, что и в Армавире, как минимум, до последних полутора-двух десятилетий XIX в. дела с образованием молодёжи обстояли не так хорошо, как в поволжских колониях.

Очевидно, что переехав на Кубань, и нередко оказавшись в условиях, мелких арендаторских колоний, немцы не могли дать должного образования своим детям, прежде всего потому, что рядом не было молитвенных домов и

школ при них. Образование на русском языке было для них почти недоступно, во-первых, по причинам социального характера, а во-вторых, потому, что они не знали, или очень плохо знали русский язык. Единственная же немецкая школа в самом Армавире была относительно мала, чтобы ее деятельность могла кардинально изменить к лучшему уровень грамотности всей немецкой молодежи.

Таким образом, систему образования на немецком языке в Армавире в рассматриваемый период сложно назвать важным консолидирующим фактором. Скорее, можно говорить, что в данном отношении уже в дореволюционный период закладывались основы этнокультурного размывания, давшие свои плоды в советский период.

И последнее, о чем мы предполагали сказать в данной статье – это фактор относительно компактного проживания немцев в Армавире. На наш взгляд, это обстоятельство можно рассматривать как стремление к этнокультурной сплоченности относительно небольшой группы российских немцев в условиях иноэтничного окружения. Итак, имело ли место их компактное проживание?

Для выявления мест жительства немцев в Армавире нами использовался, прежде всего, список лиц, имевших право участвовать в первоначальном избирательном собрании для выбора гласных Армавирской городской в 1915 г. [21]. В этом документе мы насчитали 82 домовладельца немецкого происхождения. Многие из них прослеживались и по метрическим книгам. Локализация их адресов на карте города того времени показала, что подавляющее большинство домовладений было сосредоточено в юго-западной части Армавира на площади примерно 15 кварталов. На северо-западе располагалось несколько домовладений, а в остальной части города их, практически, не было.

К 1915 г. число немцев в Армавире составляло 2 866 чел. [22, с. 14]. То есть, уступая в численности коренным жителям примерно вдвое, в имущественном положении немцы проигрывали им многократно. И тут самое время задаться вопросом: где же проживали эти 2 866 немцев? Даже если

предположить, что в каждом из 82 домовладений Армавира, которые им принадлежали, проживало в среднем 6 человек, то общая численность немецкого населения города, обеспеченного собственной крышей над головой, едва превысит 500 чел. Остальные более чем 2 300 чел., то есть подавляющее большинство немцев, личного жилья не имели. С большой долей уверенности можно говорить о том, что они снимали жильё, проживали в бараках (например, на кирпичных заводах) или других относительно приспособленных для жизни помещениях.

В 1928-29 гг. число немцев, имевших в Армавире собственное жильё, значительно выросло. Согласно подворной инвентаризационной переписи этого времени, мы насчитали 180 немцев собственников жилья, что более чем вдвое превысило данные за 1915 г. Имея документально подтверждённые сведения о владельцах жилья в 1928-29 гг. мы получили возможность коснуться проблемы квартирантов среди немцев. В этом нам помогли метрические книги архива ЗАГС г. Армавира за те же годы [23]. В сведениях о родителях новорожденных, о лицах, вступающих брак, а также об умерших обязательно указывался адрес их проживания. Таким образом, мы сопоставили полученные данные из материалов архива ЗАГС с данными подворной переписи в те же годы, и тем самым получили информацию о немцах, которые проживали по определённым адресам, но не владели этими домами. То есть, с большой долей вероятности, они были квартирантами. Локализация адресов по карте показала, что почти все немцы-квартиранты проживали в юго-западной части города, то есть именно там, где мы обнаружили подавляющее большинство немцев-домовладельцев.

Общее количество домовладельцев немецкого происхождения в юго-западной части Армавира в конце 1920-х гг. составляла примерно 18%. Если прибавить к их числу тех немцев, которые арендовали жилплощадь, то их доля может быть увеличена до 26,4%. На южной окраине города в границах, примерно, 18 кварталов доля немецких домовладений составляла 34%, а вместе с квартирантами почти 41%. В целом, в юго-западной части города большинство домовладельцев были русскими. Любопытно, что в данном

районе города почти не было домовладельцев армян. Это тем более примечательно, что в других районах города не редкостью были кварталы, сплошь состоявшие из домовладений представителей этой этнической части горожан.

Таким образом, нам удалось выявить, что этнокультурная группа немцев была локализована в Армавире достаточно компактно, что можно рассматривать в качестве важного фактора их консолидации.

В завершение нашей статьи хотелось бы обратить внимание на то, что историки редко удостоивают своим вниманием историю отдельных этнокультурных групп (общин) в городах. Вместе с тем, способы их самосохранения, равно, как и причины исчезновения, в условиях численно преобладающего иноэтничного окружения, заслуживают особого внимания. Излишне напоминать, что в условиях бурной урбанизации современного общества наиболее интенсивные межэтнические и межкультурные контакты протекают именно в условиях города, и именно здесь они в наибольшей степени чреваты конфликтами.

Следуя убеждению, что данная тема важна и в исследовательском плане достаточно перспективна, нами была подготовлена эта статья, которая призвана продемонстрировать наш подход к изучению малых этнокультурных групп в условиях города. На конкретных примерах мы попытались продемонстрировать приемы и методы исследования истории этих групп, а также принципы и способы выделения круга значимых для изучения данной проблемы аспектов.

Примечания

1. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. М.: Фолио, 2009. 384 с.
2. Шнайдер В.Г., Ктиторов С.Н. Немцы Армавира. - Армавир: Скорина, 2012. 680 с.

3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 445 с.
4. Фукуяма Ф. Конец истории?// Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84—118.
5. Репина А.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
6. Новая локальная история// URL: <http://www.newlocalhistory.com/>
7. Ктиторov С.Н. История Армавир (досоветский период: 1839-1918). Армавир: Скорина, 2002. 384 с.
8. Булыгина Т.А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов // Запад-Россия-Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь – Москва: Изд-во ИВИ РАН, 2003. Вып. 2. С. 415–420.
9. Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. Ставрополь, 2003. С. 6–22.
10. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Проблемное поле актуального исторического знания и новая локальная история [Электронный ресурс]. URL: [http://www/newlocalhistory.com/work/problem.php](http://www.newlocalhistory.com/work/problem.php).
11. Новая локальная история// URL: <http://www.newlocalhistory.com/>
12. Репина Л.П. Новая локальная история// Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX-XX веках. Сб. статей/ Под ред. И.В. Нарского. Челябинск: Каменный пояс, 2003. С. 10–19.
13. Румянцева М.Ф. Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания// Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после "постмодерна". М., 2005. С. 130-132.

14. Румянцева М.Ф. Теория истории. М.: Аспект Пресс, 2002. 319 с.
15. Архивный отдел администрации г. Армавира (АОАА), Ф.55, Оп. 1.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1090, Оп. 1.
17. Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII – XX вв. Исторический справочник. Часть 1. – СПб., 2001. – 295 с.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.65. СПб., 1905. 280 с.
19. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), Ф.472. Оп.1.
20. ГАКК. Ф.454. Оп.2.
21. Список жителей г. Армавира, промышленных предприятий и обществ, имеющих право участвовать в первоначальном избирательном собрании для выбора гласных Армавирской городской Думы и кандидатов к ним. – Армавир, 1915. 84 с.
22. Кубанский сборник за 1917 г. Т. 22. – Екатеринодар, 1917 г. 114 с.
23. Архив ЗАГС г. Армавира, ДД. 205, 226- 251, 259-272, 281-310, 315-322, 329-340.